
Теоретико-эмпирические исследования

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ЭМОЦИЙ: МОДЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАННЫЕ

А.А. ГОРБАТКОВ

Горбатков Александр Алексеевич — преподаватель Института педагогики и психологии Свентокшиской Академии (Кельце, Польша), кандидат психологических наук. Кандидатскую диссертацию по теме «Структура психической диспозиции и ее позитивно-негативная асимметрия» (руководитель — проф. В.А. Ядов) подготовил и защитил в 1981 г. на факультете психологии Ленинградского университета. Тематика научной работы касается главным образом дименсиональной структуры и деятельностной динамики эмоций. Результаты представлены в 80 публикациях на русском, польском и английском языках, а также в выступлениях на конференциях в России, Польше, Англии, Швеции и др.
Контакты: a.gorbatkow@pu.kielce.pl

Резюме

В работе представлен обзор литературы по проблеме деятельностной динамики эмоций в свете разработанной автором модели, касающейся четырех основных измерений аффективной сферы: позитивные эмоции, негативные эмоции, их баланс и интегральная величина (общий уровень эмоциональной активации). Показано, что гипотетические кривые зависимости этих измерений эмоций от эффективности деятельности, содержащиеся в той зоне модели, которая относится к популяции большинства обычных людей, действующих в обычных условиях (монотонная нисходящая кривая для отрицательных эмоций, колоколообразная кривая для положительных эмоций, инвертированная J-образная кривая с тенденцией роста для эмоционального баланса, инвертированная J-образная кривая с тенденцией снижения для интегральной величины эмоций), в значительной степени согласуются с доминирующими в литературе по этой теме представлениями и данными. Обсуждены некоторые трудности, возникающие при работе с литературой в рамках данной тематики.

Введение

Под деятельностной динамикой эмоций мы понимаем изменения в эмоциях, обусловленные изменениями в параметрах деятельности, прежде всего в ее результатах. Зависимость переживаемых субъектом эмоций от результатов (уровня выполнения) деятельности, с которой они связаны, достаточно давно в той или иной форме изучается в психологии и проанализирована в ряде обзорных работ (см., например: Iaffaldano, Muchinsky, 1985; Podsakoff et al., 1996; Shore, Martin, 1989; Vroom, 1964; Warr, 1999), однако большинство исследователей сводят рассматриваемые эмоции лишь к одному измерению (биполярно понимаемой валентности, или балансу), а искомые зависимости — к линейным. В разра-

ботанной нами модели (Горбатков, 2002б, 2003; Gorbatkow, 2003) эмоции рассматриваются в четырех основных измерениях (позитивные и негативные эмоции, их баланс и интегральная величина)¹, а зависимость каждого из них от эффективности деятельности² рассматривается как нелинейная. В настоящей статье мы намерены представить попытку обзора литературы в свете указанной модели, чтобы ответить на вопрос, насколько постулируемые моделью гипотетические кривые зависимости этих измерений эмоций от эффективности деятельности (и некоторых других связанных с ней переменных) согласуются с существующими представлениями и данными, касающимися большинства обычных людей, действующих в обычных условиях.

¹В рамках такого подхода позитивные и негативные эмоции измеряют с помощью униполярных шкал, например: «равнодушный — радостный» и «равнодушный — грустный». Баланс и интегральную величину (общий уровень эмоциональной активации) либо измеряют с помощью прямых шкал (например, биполярной шкалы «грустный — радостный» и униполярной «равнодушный — взволнованный»), либо вычисляют на основе показателей позитивных (П) и негативных (Н) эмоций, например, по аддитивным формулам П–Н и П+Н (см., в частности: Bradburn, 1969).

²Под эффективностью (успешностью) деятельности индивида мы понимаем соотношение между ее позитивными и негативными результатами. Из этого следует, что в качестве основного фактора, детерминирующего эффективность деятельности, мы должны рассматривать не столько разного рода «затраты» (усилий, времени и т. п.), сколько уровень развития когнитивных характеристик индивида (способности, опыт), релевантных параметрам деятельности данной категории. Чем выше уровень развития этих характеристик и степень их соответствия данной деятельности, тем менее трудной и новой (незнакомой) является она для субъекта и тем более высокой может быть ее эффективность. Случай, когда результат деятельности обеспечивается не столько способностями и опытом, сколько затратами усилий, времени и т. п., когда «потери» по своей величине приближаются к «приобретениям», мы в данной работе оставляем за пределами внимания и как не соответствующий вышеприведенной трактовке эффективности (охарактеризовать деятельность, имеющую высокий результат, «купленный дорогой ценой» как эффективную, — значило бы вступить в противоречие с реализуемой здесь логикой), и как менее типичный для большинства людей. Последнее обстоятельство, согласующееся как с теоретическими соображениями (см. ниже), так и со здравым смыслом, позволяет нам измеримый в эмпирических исследованиях результат деятельности (о нем судят по количеству и

Модель деятельностной динамики эмоций

Модель нелинейной гетерохронной деятельностной динамики базовых измерений эмоций характеризуют следующие основные особенности. Модель эта относится к ситуации, когда рост результативности обеспечивается растущим по мере освоения деятельности опытом, повышающимся уровнем ориентировки в ситуациях данной категории при одновременном падении (или более медленном росте) уровня необходимых для ее осуществления затрат. Основные тенденции динамики эмоций по мере роста успешности деятельности от некоторого условно-предельного нуля до некоторой условно-предельной единицы представлены на рис. 1. Согласно модели, по мере роста эффективности деятельности как отрицательные, так и положительные эмоции сначала растут, затем — после достижения максимума при некоторых промежуточных уровнях эффективности — падают. Однако если первые растут быстрее, чем падают, то вторые, наоборот, растут медленнее, чем падают. Иначе говоря, для пер-

вых перелом в динамике наступает раньше (при более низких уровнях эффективности), чем для вторых. Описанная динамика отрицательных и положительных эмоций детерминирует динамику их баланса (соотношения) и интегральной величины (общего уровня эмоциональной активации). Имеющее место на начальных этапах освоения ситуации ухудшение (увеличение степени негативности) эмоционального баланса сменяется его улучшением в границах области промежуточных степеней трудности с наступающим далее новым его ухудшением (уменьшением степени позитивности). При этом интегральная величина эмоций сначала растет, затем — после достижения максимума при среднем уровне эффективности — падает.

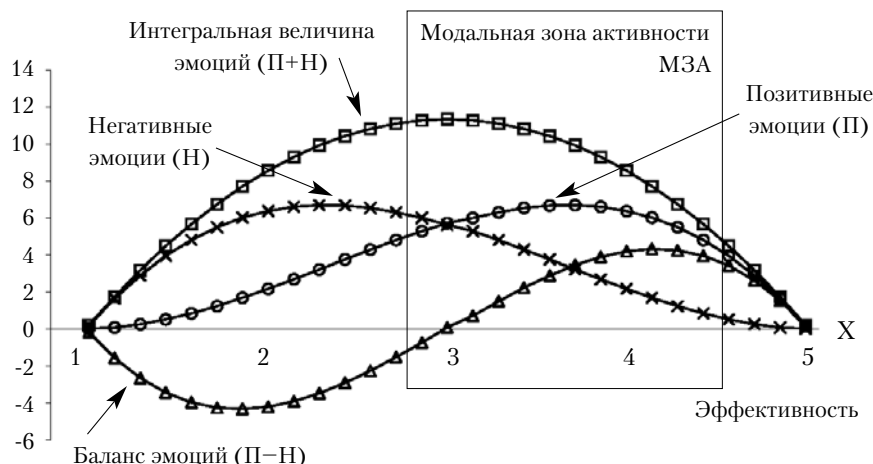
Предполагается, что характерные для большинства («модальная популяция») обычных людей, функционирующих в обычных условиях, уровни выполнения основных видов деятельности не охватывают целого теоретически возможного континуума эффективности. Такой человек функционирует в границах несколько «позитивно» смещенной промежуточной зоны этого континуума —

качеству произведенной продукции, школьным отметкам, экспертным оценкам, показателям тестов достижений и т. д.) рассматривать как до известной степени приемлемую меру ее эффективности. Из представленного понимания эффективности следует, что в качестве косвенных ее мер можно рассматривать такие переменные, как трудность и новизна деятельности для субъекта (с обратным направлением шкалы), уровень его информированности о ситуации функционирования, уровень его контроля над ней и т. п. Одной из возможных мер (по причине монотонной связи с эффективностью), хотя и менее адекватных, чем приведенные (по причине некоторой нелинейности этой связи), является также знаменитое число проб. Такая широкая трактовка переменной эффективности деятельности может вызывать возражения, однако плюсов от ее применения мы видим существенно больше, чем минусов, особенно если учесть актуальное состояние проблемы, отражающее достаточно ранний этап ее разработки, прежде всего концептуально-теоретической.

Рисунок 1

Эскиз модели деятельностной динамики эмоций: зависимость основных измерений эмоций от эффективности деятельности (Горбатков, 2003, с. 79)

зоны, определяемой критическими для него нижними и верхними порогоми новизны и сложности деятельности. Функционирование в границах этой так называемой *модальной зоны активности* (МЗА) позволяет человеку решать следующие основные задачи: не выполнять виды деятельности настолько трудные (очень низкая эффективность), чтобы перевес потерь над достижениями привел к опасности снижения уровня его функционирования; не выполнять виды деятельности настолько легкие (очень высокая эффективность), чтобы возникала угроза развитию индивида, т. е. его своевременному переходу на более высокий

уровень функционирования; выполнять виды деятельности такого уровня трудности, который делает возможным выраженный позитивный баланс достижений и потерь (т. е. достаточно высокую эффективность — позиция на шкале эффективности между очень высоким и средним ее значениями — в скорее легких, чем трудных задачах). Иное соотношение достижений и потерь в большинстве выполняемых видов деятельности не могло бы обеспечить людям реализацию не только функции «развития», но даже функции «сохранения». Указанное гипотетическое расположение МЗА позволяет предположить следующие кривые³ динамики эмоций

³Колоколообразной мы называем немонотонную одновершинную *симметричную* кривую. Инвертированной J-образной мы называем немонотонную одновершинную *асимметричную* кривую с тенденцией *роста* (левое плечо длиннее, чем правое) или *снижения* (правое плечо длиннее, чем левое).

по мере роста результативности деятельности в большинстве выборок обычных людей, функционирующих в обычных условиях (рис. 1): монотонную нисходящую кривую для отрицательных эмоций; колоколообразную кривую для положительных эмоций; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией роста для эмоционального баланса; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией снижения для интегральной величины эмоций. Наряду с собственно деятельностью пониманием независимой переменной описанной модели представляется возможным ее расширительное толкование как связанной с улучшением любого из важных аспектов жизни человека, которые изучаются в исследованиях «субъективного благополучия» и «качества жизни», таких, как содержание труда, параметры среды, здоровье и т. д.) (см., например: Аргайл, 1990; Diener et al., 1999). Каждый из элементов жизненной ситуации индивида, улучшаясь, изменяет его жизнь в том же самом направлении, что и повышающаяся эффективность основных видов его активности, т. е. обеспечивает рост возможностей удовлетворения индивидом своих потребностей.

Насколько представленные в модели кривые динамики эмоциональных переменных в границах МЗА согласуются с существующими представлениями и данными, касающимися большинства обычных людей, действующих в обычных условиях? Как оказалось, данные, релевантные модели, найти в литературе весьма нелегко. В психологии труда, например, где проведено наибольшее количество исследований на тему

зависимости эмоций от успешности деятельности, подавляющее большинство из них, как указывает в энциклопедической статье П. Ворг (Warr, 1999), касалось только измерения валентности-баланса (позитивные и негативные эмоции как отдельные измерения, не говоря уже об эмоциональной активации, изучались весьма редко) и использовало при этом только линейные статистики. В работах же, использовавших нелинейные статистики, рассматривались, как правило, независимые переменные, лишь косвенно и часто неоднозначно (как, например, уровень требований, предъявляемых к работе) связанные с успешностью деятельности. Нелегкой также оказалась идентификация представленного в некоторых работах материала как относящегося именно к данному измерению, а не к какому-либо другому. Трудно иногда, например, преодолеть впечатление, что когда некоторые авторы пишут «интерес», то читать нужно «интерес минус тревога», или когда пишут «радость», то читать нужно «радость минус огорчение», что может быть следствием господствующего в профессиональном сознании исследователя (или, скорее, в его бессознательном) традиционного представления о взаимоисключающих отношениях между «противоположными» эмоциями (см.: Горбатов, 2002а). В этих случаях приходится либо отказываться от рассмотрения материала, либо решаться на идентификацию, по необходимости приблизительную. Те данные, которые удалось обнаружить в литературе по данной теме, свидетельствуют о следующем.

Кривые динамики основных измерений эмоций

Негативные и позитивные эмоции

Моноotonно падающая кривая динамики *негативных эмоций* в границах МЗА не только соответствует обыденным представлениям (чем лучше ориентируешься в ситуации, чем эффективнее действуешь, тем меньше причин для беспокойства, тревог, огорчений), но имеет также существенную эмпирическую поддержку в публикациях по теме зависимости тревожности — наиболее популярного в психологии «представителя» системы отрицательных эмоций⁴ — от уровня выполнения деятельности. Широкая распростра-

ненность обратной связи между этими переменными констатирована, например, в результате анализа ста двадцати шести (!) исследований, в которых параметр эффективности был представлен школьной успеваемостью, измерявшейся разными способами (школьные оценки, контрольные работы, тесты достижений) (Seipp, 1991). Доминирование сходных связей констатировано и в других обобщающих работах (Mueller, 1992; Snow, Swanson, 1992; Warr, Bunce, 1995)⁵. Не является в этом отношении исключением и высшая школа. В работе П.Д. Рабиновича и М.П. Нужиной (1987)⁶, например, показано, что студенты-медики, успевающие на «хорошо» и «отлично», в сравнении с теми, кто учится на

⁴Эта исторически наиболее «заслуженная» в психологии эмоция, когда-то почти монополярно фиксировавшая на себе внимание исследователей, сегодня уже не может рассматриваться как главный представитель эмоциональной сферы индивида, хотя иногда и «пытается» в такой роли выступать, как, например, в некоторых концепциях темперамента (см. обзор в работе: Strelau, 1998); а когда исследователь приходит к выводу, что задачу углубленного познания механизмов функционирования эмоциональной сферы имеет смысл решать, начиная с какой-либо одной из эмоций, то этой одной оказывается нередко тревога или страх (например: LeDoux, 2000), и если в качестве объекта берется несколько эмоций, то центральное место в поле исследовательского внимания с немалой вероятностью займут эмоции того же типа (см. например: Gray, 1987). Функцию же «репрезентанта» негативной составляющей эмоциональной сферы тревожность часто и успешно выполняет (например: Russell, 1989).

⁵В некоторых работах отмечают нулевую (или очень слабую) корреляцию успеваемости с тревожностью (см. например: Гордеева, 2002; Прихожан, 2000; Pintrich, DeGroot, 1990), причины чего, на наш взгляд, можно искать, среди прочего, в месте, занимаемом этой деятельностью в системе ценностей большинства выборки, в том, насколько совпадают между собой область жизнедеятельности, к которой относится измеренная в исследовании тревожность (например, жизнедеятельность в целом, как в большинстве наиболее известных методик), и та область, к которой относится измеренная в исследовании успешность деятельности (учеба в школе), в степени соответствия реальной области разброса уровней успешности учебной деятельности в обследованных популяциях тому, что мы здесь называем МЗА, и др.

⁶Вопреки названию этой работы, в качестве независимой переменной в ней выступают не столько эмоциональные и другие личностно-психологические особенности студентов, сколько их успеваемость, которая использовалась в качестве основания деления выборки на подвыборки. Сходное несоответствие имеет место в ниже упоминаемой статье Р. Студенского (Studenski, 1981).

«удовлетворительно», имеют более низкий уровень тревоги и других отрицательных эмоций. Обратная зависимость тревожности от уровня выполнения была установлена также применительно к трудовой деятельности (см., например: Jamal, 1984; Spector et al., 1988). Подобную зависимость обнаружили и во многих экспериментальных исследованиях (см. например: Хекхаузен, 2003; Lewis, Haviland, 2000). Так, в исследовании Ч.Д. Спилбергера с соавт. (Spielberger, O'Neil, Hansen, 1972) повторяющееся правильное решение испытуемыми задач одной и той же категории (определение естественнонаучных понятий) и «объективно» одинакового уровня трудности уменьшало связанную с ними тревожность. Для участка шкалы трудности, соответствующего очень легким заданиям (правая половина зоны 4–5 на рис. 1), такой динамики тревожности не отмечено, что позволяет предполагать для всей совокупности заданий зависимость типа гиперболической (L-образной), которая напоминает форму представленного в зоне 3–5 участка кривой отрицательных эмоций (рис. 1).

Позитивные эмоции несравненно реже выступают в качестве предмета анализа, однако сведения об их зависимости от некоторых связанных с эффективностью деятельности переменных все же представлены в ряде источников. Опирающееся на результаты исследований, проведенных в разных странах, представление М. Чиксентмихайи о том, что одним из условий так называемого «оптимального переживания», в структуре которого важное место занимают положительные эмоции, является постановка перед собой не слишком

трудных и не слишком легких задач (Csikszentmihalyi, 1996), говорит в пользу их колоколообразной зависимости от информационно-эффективных переменных.

Еще более известными являются данные об одновершинной зависимости интереса — наиболее часто, по утверждению К. Изарда (Изард, 1980), переживаемой положительной эмоции — от такого рода переменных. Интерес к сообщению о каком-либо объекте является максимальным, если оно содержит в себе как новые, так и знакомые элементы (см., например: Lewicka, 1993; Teigen, 1987) или, иначе говоря, если оно не является ни слишком непонятным, ни слишком понятным (тривиальным). Понимая смысл как прежде всего позитивно-эмоциональное образование, связанное главным образом с эмоциями группы «радость», Р.Х. Шакуров утверждает, что деятельность (и жизнедеятельность) лишается смысла в тех случаях, когда препятствия непреодолимы, и в тех, когда они отсутствуют (Шакуров, 2003). Зависимость сходной формы обнаружена в исследованиях смеха. В соответствии с гипотезой «когнитивного вызова» (Zigler, Levine, Gould, 1967), с которой согласуются некоторые экспериментальные данные, дети с большей вероятностью смеются над шутками, лежащими на границе их растущих возможностей, а не над слишком очевидными или слишком непонятными шутками (см.: Изард, 1980).

К классу колоколообразных можно отнести также кривую динамики одного из трех компонентов любви в модели Р. Стернберга (Sternberg, 1986) в адаптации Б. Войчишке

(Wojciszke, 1989). Мы имеем в виду компонент (intimacy), который в данной концепции связывается с положительными эмоциями. Согласно указанной модели, динамика этого компонента в процессе развития отношения к партнеру (характеризующемся, среди прочего, накоплением информации о нем, повышением эффективности общения с ним и уменьшением степени его «новизны—сложности» для субъекта) характеризуется ростом, который по прошествии определенного времени сменяется падением⁷.

Быть может, как следует из нашей модели, некоторые данные об отсутствии линейной зависимости положительных эмоций от успешности деятельности были бы иными в случае применения исследователями нелинейных статистик вместо линейных. Например, вовлеченность (involvement) в работу, высоко коррелируя с удовлетворенностью разными ее аспектами, прежде всего удовле-

творенностью ее содержанием («удовлетворенностью работой самой по себе», $r = 0.52$), а также степенью ее разнообразия по содержанию и представленностью аспекта контакта с другими людьми (см.: Muchinsky, 1987), заставляет предполагать высокий вес в ней эмоций типа интереса и радости, характерных для имеющей позитивно-эмоциональный характер «внутренней мотивации» (см.: Isen, 2000). При этом вовлеченность не коррелирует линейно с результативностью работы (П.М. Мухински считает это странным, см.: Muchinsky, 1987), что, возможно, объясняется именно нелинейностью указанной зависимости. Другой пример: в работе М. Гартмана (Gurtman, 1992) показано, что с проблемами в общении высоко коррелируют отрицательные эмоции ($r = 0.637$), тогда как положительные эмоции коррелируют с ними (по абсолютной величине) намного ниже ($r = -0.216$)⁸, и именно такое

⁷Идентификация описанного в статье Войчишке второго эмоционального компонента любви, которым является страсть (passion), с точки зрения реализуемого в нашей работе представления об основных измерениях эмоций, является задачей более трудной. Его описание страсти напоминает измерение эмоциональной активации, а соответствующая кривая в целом напоминает нашу кривую интегральной величины эмоций, однако некоторые детали модели любви позволяют усматривать в параметре страсти определенную «примесь» измерения эмоционального баланса. Так, в последней фазе развития любви кривая страсти попадает в квадрант отрицательных значений, несовместимых с природой измерения общей эмоциональной активации, которое характеризуется не знаком переживания, а только его силой. Содержанием же третьего компонента любви (commitment), согласно этой концепции, является когнитивное отражение субъектом широко понимаемой «эффективности-полезности» (баланса приобретений и потерь) данного «межличностного союза» для него, а кривая динамики указанной переменной монотонно растет, напоминая по форме классическую S-образную кривую научения. Именно на последнем компоненте «держится» «любовный» союз двух людей после минимизации двух других его компонентов. Кривая динамики негативных эмоций в этой модели не представлена, что является немаловажным упущением, поскольку всевозможные «страдания» — неперемный атрибут описаний любви в разного рода посвященных ей (прежде всего художественных) текстах.

⁸Проблемы, трудности в общении — это (обратный) показатель его эффективности. Общительность же — это показатель коммуникативной мотивации. Интересно, что с общительностью

соотношение линейных корреляций постулируется моделью в МЗА.

Эмоциональный баланс и интегральная величина эмоций

Имеется сравнительно много данных, в той или иной степени подтверждающих немонотонную одновершинную кривую *эмоционального баланса*⁹, выступающую как находящуюся в границах МЗА часть синусоидальной кривой. Начнем со сделанного В. Вундтом обобщения, согласно которому, «как учит опыт всех времен, самым благоприятным условием для чувства счастья является умеренное обладание благами» (Вундт, 1913, с. 390). Сходные представления обосновывают и некоторые современные авторы. Т. Щитовски считает, что умеренное, а не максимальное обладание благами как наиболее благоприятное условие для

чувства счастья объясняется тем, что человек может получать удовольствие, только испытывая некоторую потребность. Богатые же общества могут лишиться людей удовольствий именно потому, что, давая им возможность легко удовлетворять потребности, не позволяют последним достичь такой степени напряжения, уменьшение которой обусловило бы возникновение чувства удовольствия (Scitovsky, 1976). Одновершинная зависимость эмоционального баланса от некоторых коррелятов эффективности выполняемой работы обнаружена в психологии труда, где показано, например, что наибольшая удовлетворенность имеет место при средних уровнях контроля работника над ситуацией (см.: Warr, 1999). Соответствует ей также известный факт максимальной привлекательности деятельности промежуточных уровней трудности (см.:

(а также экстравертивностью, важным компонентом которой она является) чаще обнаруживается более тесная связь положительных эмоций, чем отрицательных (см., например: Bradburn, 1969; Watson, 2000).

⁹Упомянутые в данном параграфе в связи с эмоциональным балансом переменные (чувство счастья, удовлетворенность, привлекательность и др.) имеют биполярный характер, будучи измеренными либо с помощью прямых биполярных шкал (например: Feldman Barrett, Russell, 1998), либо посредством регистрации поведенческих выборов, например, заданий разной степени трудности (например: Хекхаузен, 2003). Биполярный характер могут также иметь некоторые униполярно измеренные эмоции, если им свойственна имманентная биполярность. В этом случае респондент как бы подразумевает существование противоположного полюса шкалы. Так, согласно доминирующим сегодня размерным представлениям, переживание счастья относится не столько к измерению положительных эмоций, сколько к измерению эмоционального баланса (например: Feldman Barrett, Russell, 1998). Иначе говоря, с переживанием счастья мы имеем дело тогда, когда в его структуре большое количество положительных эмоций сопровождается малым количеством отрицательных. Употребление терминов «негативный» и «позитивный» (например: позитивная или негативная привлекательность) в данном параграфе относится не к униполярным измерениям позитивных и негативных эмоций, а к позитивной и негативной половинам шкалы баланса.

¹⁰Правда, для лиц с доминированием мотива избегания картина может быть иной (см.: Хекхаузен, 2003). Но, во-первых, как следует не только из исследований по мотивации достижения,

Хекхаузен, 2003)¹⁰. Согласуются с обсуждаемой кривой зависимости эмоционального баланса от эффективностных переменных также данные о том, что наибольшие шансы на признание есть у продуктов творческой деятельности (научных теорий, произведений искусства и т. п.), имеющих не слишком малую и не слишком большую степень новизны и оригинальности (Simonton, 1999). Некоторые исследования дают не прямую, а косвенную информацию в пользу существования рассматриваемой здесь зависимости. Если сходство людей между собой (по интересам, установкам, ценностным ориентациям и т. д.) трактовать как фактор, облегчающий ориентацию в особенностях друг друга, то вытекающий из некоторых исследований вывод о наибольшей привлекательности промежуточных уровней межличностного сходства (Brewer, 1991) можно, в частности, понимать как следствие динамики познания: негативная привлекательность малой информированности — позитивная привлекательность промежуточных уровней информированности — индифферентность или негативная привлекательность (скука) высоких уровней информированности¹¹.

В ряде теорий зависимости эмоционального баланса от таких корре-

лятов эффективности деятельности, как степень новизны и сложности объекта, обосновывается не только одновершинность, но и асимметричность этой зависимости, обусловленная разной длиной и наклоном ветвей выражающей ее кривой (инвертированная *J*-образная кривая), что увеличивает ее соответствие рассматриваемой модели в границах МЗА. Согласно такого рода представлениям и релевантным им эмпирическим данным, сильное информационное рассогласование (высокая степень сложности и новизны ситуации для субъекта, которая имеет место при слабой его ориентировке в ситуации, обуславливающей низкую эффективность деятельности) вызывает доминирование негативных эмоций, умеренная степень рассогласования характеризуется преобладанием позитивных переживаний, а слабое рассогласование (минимальная степень сложности—новизны и максимальная эффективность деятельности при максимально возможной степени ее автоматизации) является эмоционально индифферентным (Berlyne, 1971; Mandler, 1982, и др.).

Данные в поддержку идеи инвертированной *J*-образной кривой получены и в многочисленных исследованиях так называемого «эффекта экспозиции» (Р. Зайонц): по мере

но и из множества исследований по проблеме эмоционального благополучия (Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999), такой тип личности не является доминирующим; во-вторых, в реальной жизни, в отличие от ситуации лабораторной, человек гораздо чаще имеет возможность реализовать свою тенденцию избегания, вообще отказываясь от выполнения деятельности тех категорий, которые ее актуализируют. Собственно говоря, второе является важной причиной первого.

¹¹В других контекстах такая зависимость может пониматься как результат одновременного действия двух «противоположных» тенденций — стремления быть похожим на других (в рамках решения задачи идентификации с группой) и стремления быть непохожим на других, быть уникальным (в рамках решения задачи идентификации с самим собой) (см.: Jagymowicz, 2003).

увеличения числа предъявлений нового объекта баланс его привлекательности — непривлекательности для субъекта постепенно растет (сдвигается в сторону позитивного полюса), но только до определенного уровня, после чего начинает снижаться (см.: Berger, 1999; Bornstein, 2001; Frederick, Loewenstein, 1999); полученная таким образом немонотонная кривая характеризуется обусловленной ее асимметричностью общей монотонной тенденцией увеличения степени позитивности отношения к объекту (Bornstein, 2001; Monahan, Murphy, Zajonc, 2000; Zajonc, 2001)¹².

Ссылка на одновершинную асимметричную немонотонную кривую эмоционального баланса может прояснить некоторые данные о его прямой и обратной линейной зависимости от эффективностных переменных. В исследовании В.С. Магуна (1979), например, сравнивались выборы более «зрелых» и менее «зрелых» инженеров (молодые инженеры — опытные инженеры; рядовые инженеры — руководители групп и др.). Обнаружилось, что во всех парах зрелые имели значимо более высокий уровень поведенческих проявлений качеств комплекса «самостоятельность — творчество» (правая часть МЗА), чем менее зрелые инженеры (левая часть МЗА). Корреляции между отношением к этим качествам (измеренным разными методиками, имеющими, как правило, «биполярный» характер, т. е. изме-

ряющими позитивно-негативный баланс отношения) и их поведенческими проявлениями у менее «зрелых» инженеров в большинстве случаев оказались положительными (93%), тогда как у их более «зрелых» коллег число положительных связей уменьшилось до 48%, а число отрицательных возросло с 5 до 36. Вырисовывающаяся из этих данных кривая похожа на ту, которая представлена в нашей модели: левая ее ветвь соответствует более выраженным прямым корреляциям, правая — менее выраженным обратным. Рассматриваемая кривая может оказаться полезной и для понимания данных о существовании как положительных, так и отрицательных (реже обнаруживаемых и, как правило, более слабых) линейных корреляций между успешностью деятельности и удовлетворенностью трудом (см., например: Iaffaldano, Muchinsky, 1985). Малая, хотя и значимая, средняя теснота связи между этими переменными может быть обусловлена именно ее нелинейностью, а позитивность этой связи — асимметричностью кривой.

Что касается *интегральной величины эмоций* (общей эмоциональной активации), то проведенные исследования чаще всего обнаруживают тенденцию ее падения по мере освоения ситуации. Так, ориентировочная реакция (вспомним, что ее показатели, как, например, КТР и показатели, используемые исследователями эмоциональной активации, во многих случаях совпадают), согласно

¹²В пользу такой асимметричности немонотонной кривой свидетельствует также множество полученных с помощью линейных статистик данных о существовании общей тенденции улучшения баланса по мере роста успешности деятельности и других эффективностных переменных (см., в частности: Горбатков, 2002).

большинству полученных данных, слабеет по мере уменьшения степени новизны раздражителя (Соколов, 1960)¹³. Во многих экспериментальных исследованиях (некоторые «исключения» соответствуют, вероятно, другим зонам модели) показано также, что решение мыслительных задач более способными испытуемыми в сравнении с менее способными (как и решение легких задач в сравнении трудными) сопровождается менее высоким уровнем активации (см.: Berlyne, 1969).

Многие подкрепленные эмпирическими данными когнитивные теории эмоций, наряду с положением о снижении уровня эмоциональной активации в процессе успешной адаптации индивида, содержат положение о сопровождающем его при этом росте степени позитивности переживаний (см., например: Изард, 1980; Хекхаузен, 2003), т. е. улучшении эмоционального баланса, что также соответствует модели. Такое соотношение направлений изменения двух измерений может обусловить обратную корреляцию между ними. И именно такая связь нередко обнаруживается в исследованиях. Т.А. Ито с соавт. (Ito, Cacioppo, Lang, 1998), например, показали существование обратной корреляции между активацией и валентностью ($r = -0.40, p < 0.001$) при измерении эмоциональной реакции испытуемых на произведения изобразительного искусства. Представление об указанном характере деятельностной динамики эмоциональной активации и эмоционального

баланса имеет достаточно долгую историю. Три столетия тому назад подобные зависимости постулировал Б. Спиноза (1957), сравнивая мудреца с невеждой. Для первого в сравнении со вторым, по его мнению, характерно то, что сегодня мы бы назвали более низкой эмоциональностью при более высокой степени позитивности переживаемых эмоций. Г. Ланге (1896) считает закономерностью снижение эмоциональности по мере интеллектуального развития человека, этот вывод вытекает из сравнения более и менее цивилизованных народов, ранних и продвинутых стадий развития каждого из них, более и менее интеллектуально развитых индивидов и т. д. С другой стороны, интеллектуальное развитие, по Ланге, сопровождается тенденцией возрастания степени позитивности типичного для индивида эмоционального настроения, т. е. баланса эмоций. Подтверждают такую зависимость и работы по общественно-историческому развитию человека. Отмечается как тенденция динамики в направлении от доминирования эмоциональной вовлеченности к доминированию «рациональной нейтральности» (Elias, 2003), так и тенденция увеличения степени позитивности эмоционального баланса (Eibl-Eibesfeldt, 1997; Wojciszke, Pieńkowski, Krzykowski, 1995).

С описываемыми здесь тенденциями, на наш взгляд, до известной степени могут быть соотнесены теоретически и эмпирически обоснованные (в дящемся несколько десятилетий

¹³Если же принять во внимание и более редкие зависимости противоположного характера (зона 1–3), то получим полную, представленную на рис. 1 колоколообразную кривую (Шакуров, 1962).

лонгитюде) положения концепции Томаса и Чесс (Thomas, Chess, 1977; Chess, Thomas, 1984), согласно которой так называемый «трудный темперамент» является конфигурацией черт, среди которых доминирование негативных эмоций и большая интенсивность эмоциональных реакций выступают в тесной связи с замедленной адаптацией к изменениям ситуации функционирования. Противоположные черты (доминирование позитивных эмоций, малая или умеренная интенсивность эмоциональных реакций вместе с выраженной способностью к успешной адаптации к изменениям) характеризуют «легкий темперамент». Значительно более частая встречаемость представителей «легкого темперамента» в сравнении с трудным¹⁴, (первых можно соотнести с гипотетически «многолюдной» средней частью МЗА, вторых — с ее относительно «малолюдной» левой крайней частью) также говорит в пользу возможности связать приведенные данные с МЗА.

Определенную поддержку в литературе находят и те стороны модели, которые могут быть соотнесены с концепциями, касающимися нелинейных аспектов непосредственного (т. е. не опосредованного динамикой успешности деятельности) взаимного соотношения параметров кривых интегральной величины и баланса эмоций в МЗА. Можно полагать, например, что соотношение кривых этих двух измерений в модели МЗА согласуется с известными представле-

ниями Д. Хебба (Hebb, 1955) и Д. Берлайна (см. его концепцию в версии 1967 г.: Berlyne, 1967; см. также: Madsen, 1980) о соответствии максимального позитивного эмоционального баланса промежуточному уровню активации. Указанное соответствие обычно объясняется тем, что такой уровень активации является наиболее привлекательным для большинства людей. С точки же зрения нашей модели это соответствие можно объяснять также и тем, что некоторый достаточно высокий уровень успешности деятельности (успешность выше средней, но ниже очень высокой, т. е. средняя часть МЗА) характеризуется как максимальным позитивным эмоциональным балансом, так и промежуточным уровнем активации (рис. 1). Иначе говоря, по логике модели, человек предпочитает некоторый промежуточный уровень активации не столько потому, что он сам по себе привлекателен, сколько потому, что наиболее привлекательный уровень успешности деятельности является среднеактивирующим. Для менее успешных (т. е. более трудных) деятельностей характерен худший эмоциональный баланс (и при этом очень высокий уровень активации). Возрастающая автоматизированность более успешных деятельностей, делая их очень легкими и ведя к их эмоциональности (неинтересности), также ухудшает баланс переживаний (и связана с очень низким уровнем активации)¹⁵. Все это справедливо

¹⁴Обнаружено 40% первых и 10% вторых в изученной Томасом и Чесс выборке, включающей представителей среднего класса США.

¹⁵Такое объяснение не только вытекает из модели, но и соответствует представлениям, традиционным в не меньшей степени, чем вышеприведенное.

для людей, в аффективной сфере которых ведущую роль играет измерение баланса. И таких людей большинство (Feldman Barrett, 1998¹⁶). Если же в качестве ведущего рассматривать измерение активации, то наряду с людьми, ориентированными на средний уровень активации, можно выделить два других типа людей: ориентированных на высокий и ориентированных на низкий уровень активации и, соответственно, ищущих впечатлений и эмоций или избегающих их (Maio, Esses, 2001; Zuckerman, 1994). Первые как бы реализуют движение от точки 4 к точке 3 модели, вторые — движение от точки 4 к точке 5. Из соотношения высоты и градиентов кривых на отрезках 3–4 (негативный градиент круче, чем позитивный) и 4–5 (позитивный градиент круче, чем негативный) следует, что лица, ориентированные на высокий уровень активации, должны искать не столько позитивные впечатления, сколько негативные, а те, кто ориентирован на низкий уровень активации, должны избегать не столько негативных впечатлений, сколько позитивных. Согласующиеся с этими гипотезами данные получены, например, в исследованиях, проведенных в рамках концепции «поиска впечатлений» М. Цукермана (см. обзор в работе Zuckerman, 1994, а также, например: Szczurkowska, 1993; Zaleski, 1990).

Комплекс четырех измерений эмоций

Здесь мы представим две работы наиболее редкой категории, а именно такие, в которых содержатся данные обо всех четырех измерениях эмоций. Однотипность используемых в такого рода случаях измерительных шкал и рассчитываемых на их основе показателей обеспечивает наибольшую сопоставимость получаемых результатов.

В первой из этих работ осуществлялось сравнительное исследование эмоционального благополучия жителей 40 стран (см.: Diener, Suh, 1999), в котором негативные и позитивные эмоции были измерены с помощью известной шкалы Брадбурна, состоящей из двух отдельных униполярных шкал (Bradburn, 1969), а показатели эмоционального баланса и интегральной величины эмоций рассчитывались нами (на основе имеющихся в источнике данных) по аддитивным формулам (приведены на рис. 1). Кроме того, в работе измерялась общая удовлетворенность жизнью (биполярная переменная типа эмоционального баланса с предположительно бóльшим весом когнитивно-оценочных компонентов в ее структуре; см.: Diener et al., 1999). А интервал оси X нашей модели, которому соответствуют полученные данные, как можно думать, в значи-

¹⁶Концепция Л. Фельдман Барретт (Feldman Barrett, 1998) касается аффективных измерений активации и валентности (баланса). В качестве показателей этих измерений она рассматривает факторные оценки соответственно по общему и биполярному факторам, получаемым в результате факторизации (без ротации) тестовых оценок разнообразных эмоций. А в качестве показателей «фокусированности на активации» и «фокусированности на валентности» Фельдман Барретт рассматривает соотношение этих факторов по информативности. Показана характерная для большинства людей бóльшая «фокусированность» на валентности, чем на активации.

Рисунок 2

Примечание. Представленные в источнике (Diener, Suh, 1999, p. 440) кривые положительных и отрицательных эмоций построены на Z-оценках, что может создать неадекватное впечатление об их взаимном положении. Например, впечатление негативного баланса эмоций в позиции 0–25 оси X на рисунке в источнике является ложным, поскольку, согласно приведенной в этой же работе таблице (Diener, Suh, 1999, p. 436), даже в наихудшем случае баланс эмоций не принимает отрицательной величины. Мы разместили эти кривые на рисунке так, чтобы их положение соответствовало табличным «сырым» оценкам. Кривые эмоционального баланса и интегральной величины эмоций построены на основе показателей, рассчитанных нами на основе аддитивных формул, приведенных на рис. 1.

тельной степени совпадает с МЗА, поскольку рассматриваемые данные получены при обследовании выборок, большинство которых составляют обычные люди ряда «обычных» стран. Такая их локализация, среди прочего, согласуется с приведенными в той же работе (Diener, Suh, 1999, p. 436; см. также рис. 2) данными о том, что даже в случаях «наихудших» из обнаруженных в исследовании средних величин показателей эмоционального баланса они не являются отрицательными (находятся вблизи зоны амбивалентности —

сходства по величине эмоций противоположных знаков), а средний уровень позитивных эмоций в целой выборке стран существенно превышает средний уровень негативных эмоций. Исследование показало (рис. 2), что по мере роста среднего уровня покупательной способности людей (один из показателей эффективности их жизнедеятельности) динамика переживаемых ими позитивных эмоций характеризуется подъемом с последующей стабилизацией и наступающим затем некоторым снижением, что примерно соответствует

картине в области МЗА нашей модели (рис. 1). При этом изменение отрицательных эмоций описывается кривой, сравнительно слабый подъем которой на последнем этапе ее динамики также позволяет, как нам кажется, считать ее не противоречащей существенно форме зависимости, представленной в той же зоне теоретической модели. Сходными с нашими являются также кривые эмоционального баланса и интегральной величины эмоций. Валидность кривой эмоционального баланса до известной степени подтверждается почти идентичной с ней кривой удовлетворенности жизнью, поскольку последняя, будучи, как и эмоциональный баланс, биполярной переменной, измерялась иначе. Удовлетворенность жизнью имеет показатель, полученный не на основе измеренных с помощью отдельных униполярных шкал ее позитивных и негативных

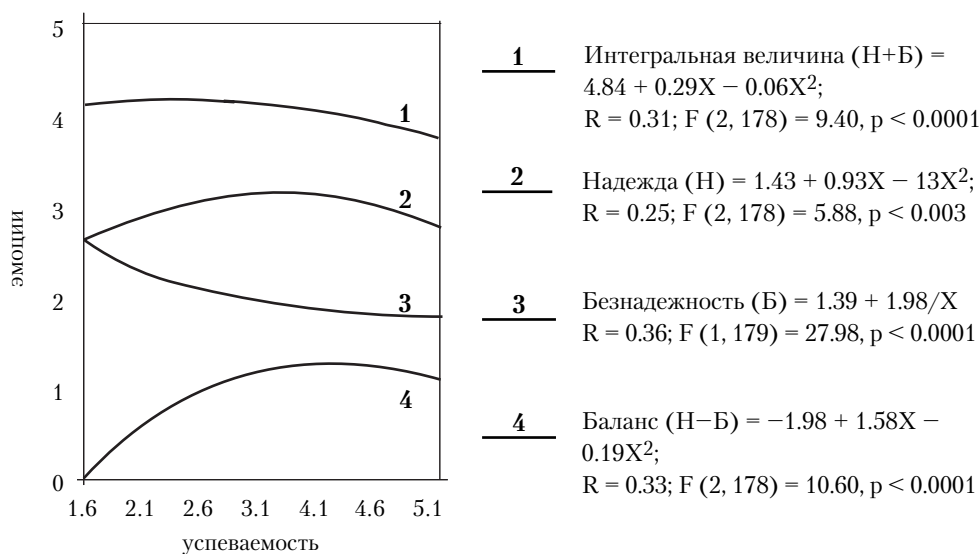
составляющих, а при «прямом» измерении с помощью биполярной шкалы типа «удовлетворен—не удовлетворен».

Более непосредственно — в сравнении с описанным исследованием — независимая переменная модели (успешность деятельности) была представлена в работе А.А. Горбаткова (Горбатков, 2003; Gorbatkow, 2001), где измерялась успеваемость 181 учащегося восьмых классов польской общеобразовательной школы (средний возраст 14.3 лет). В качестве эмоциональных переменных фигурировали измеренные с помощью модифицированной шкалы А. Бека (см.: Gorbatkow, 2002) чувства надежды и безнадежности. Показатели эмоционального баланса и интегральной величины эмоций рассчитывались на основе аддитивных формул.

Связи, характеризующие динамику четырех измерений эмоций по мере

Рисунок 3

Успеваемость и эмоции (Горбатков, 2003, с. 84)

роста успехов в учебе, оказались следующими (рис. 3). Наилучшей аппроксимацией для надежды оказалась квадратическая функция в форме колоколообразной кривой: по мере роста школьной успеваемости примерно до 3.5 баллов (при шестибалльной системе оценок) уровень переживания этой положительной эмоции растет, в то время как дальнейший рост достижений субъекта сопровождается ее снижением. Наиболее значимой для безнадежности оказалась гиперболическая аппроксимация, отражающая сопровождающее рост успехов монотонное снижение уровня этой эмоции. Динамику баланса эмоций характеризует квадратическая зависимость в форме перевернутой буквы *J* с тенденцией роста. Деятельностная динамика интегральной величины эмоций выразилась в квадратической функции в форме немонотонной кривой с тенденцией снижения.

«Неассимилирующиеся» литературные данные

В данном параграфе мы хотели бы привлечь внимание к тому, что применительно к ряду (не обсуждавшихся в настоящей работе) областей психологии эмоций, особенно тех, которые имеют не столько теоретическую, сколько эмпирическую родословную, работа с литературой может оказаться весьма нелегкой. В качестве одной из наиболее «проблемогенных» в рассматриваемом отношении нам видится область сложных аффективно-поведенческих комплексов, таких, например, как депрессия. Так, весьма интересной представляется зависимость, согласно которой

более высокие уровни депрессии связаны с крайними уровнями трудности выполняемой работы, а наименьшей «способностью» вызывать депрессию обладает средний уровень трудности (Caplan et al., 1975; цит. по: Argyle, 1994, p. 88). Но как вписать такую зависимость в рамки рассматриваемой в настоящей работе модели? Если депрессию связать с группой отрицательных эмоций, эта закономерность будет противоречить как модели, так и приведенным выше данным о монотонной обратной зависимости «главной» отрицательной эмоции — тревожности — от уровня выполнения деятельности. Если же депрессивные эмоции понимать не столько как негативные, сколько как «непозитивные», т. е. как часть группы эмоций, занимающих в эмоционально-оценочном пространстве место в области противоположного полюса измерения положительных эмоций, то полученную в этом исследовании зависимость можно рассматривать как согласующуюся с кривой, представленной в модели.

Описанные многими авторами данные в большей степени склоняют к принятию второго способаdimensionальной интерпретации депрессивных эмоций, чем первого. Понимание такого рода эмоций, как связанных не столько с негативнозначимыми событиями, сколько с отсутствием позитивнозначимых событий, характерно для некоторых классических (Фрейд, 1923) и современных (см., например: Huflejt-Łukasik, 1999) концепций депрессии. Сходное понимание dimensionальной сути депрессивных эмоций свойственно также некоторым более общим теоретическим представлениям о структуре

аффективного пространства (например: Russell, Feldman Barrett, 1999), реализуемым также в психологии труда (например: Wag, 1999), где именно и получены обсуждаемые данные об U-образной зависимости депрессии от трудности выполняемой профессиональной деятельности. Исследования свойственных людям *представлений об эмоциях* (взаимной семантической близости разных «эмоциональных» терминов) подтверждают теоретическую круговую модель аффективного пространства «circumplex», которая постулирует ортогональность депрессии и негативных эмоций типа тревожности. Картина зависимостей, обнаруживаемых при измерении *самых эмоций* несколько иная: здесь указанные переменные значимо коррелируют между собой по той причине, что, как упоминалось выше, в реальности для аффективной сферы большинства людей характерна ведущая роль измерения баланса в димENSIONАЛЬНОЙ паре баланс–активация и связанная с этим некоторая деформация «эмоционального круга» (Feldman Barrett, 1998). Однако абсолютная величина (обратной) корреляции депрессивных эмоций с эмоциями положительными является существенно более тесной (например: Feldman Barrett, Russell, 1998, р. 975), что свидетельствует в пользу мнения о принадлежности депрессивных переживаний скорее к измерению позитивных эмоций, чем негативных. Таким образом, есть некоторые основания для включения данных об U-образной зависимости

депрессии от уровня трудности деятельности в разряд скорее поддерживающих нашу модель, чем противоречащих ей.

С другой стороны, осмысленной кажется и совсем иная интерпретация. Если депрессию все же отнести к измерению отрицательных эмоций (отделив их от также свойственных ей эмоциональных состояний типа апатии, релевантных, возможно, точке 1 модели; см.: Горбатков, 2004), то, быть может, левый конец обсуждаемой эмпирической U-образной кривой (выраженная депрессия) соответствует точке 2 модели (высокий уровень отрицательных эмоций при высоком уровне трудности деятельности), а правый конец этой кривой (также выраженная депрессия) *выходит за границы модели*¹⁷. Поясним нашу мысль. Указанные два конца кривой, видимо, можно связать с двумя типами депрессии. Один обусловлен неудовлетворением потребностей сохранения, другой – потребностей развития (см.: Симонов, 1981). Депрессия второго типа (связанный с предельно низким уровнем трудности деятельности конец кривой), скорее всего, не столько соответствует крайней правой точке оси X модели (точка 5 на рис. 1), сколько находится на оси совсем другой переменной. В норме этой точке соответствует не депрессия, а спокойное, или, лучше сказать, индифферентное, без эмоций, выполнение человеком относительно высоко автоматизированной, а значит, легкой для него и максимально эффективной

¹⁷Наименьший же уровень депрессии на этой кривой выражает то, что характерно для большинства людей (средненормальный уровень трудности деятельности), и должен соответствовать средней точке МЗА модели.

деятельности. И только если деятельность в течение длительного времени выполняется на неизменном уровне при отсутствии «внешней» или/и «внутренней» возможности перехода на новый уровень функционирования, или, иначе говоря, имеет место *застой*, может развиться депрессия, т. е. динамика эмоций в этом случае обусловлена изменением не столько эффективности ситуации человека (здесь: застой), сколько ситуации временной (время продолжает идти), чему соответствует не ось эффективности деятельности (или трудности деятельности как обратного показателя эффективности) в моделях типа нашей, а ось времени, ось длительности пребывания человека в стагнации. Это, впрочем, касается и другого конца эмпирической кривой, который мы выше связали с точкой 2 оси X модели (или точкой 1 в случае апатии). В норме этим точкам, очевидно, соответствуют «нормальные» отрицательные эмоции (при очень трудной ситуации) или равнодушие (при ситуации, представляющейся субъекту неразрешимой), которые, меняясь по мере освоения ситуации (или при ее смене), не задерживаются надолго в такой позиции. Депрессивные же эмоции становятся возможными, если «нахождение» в какой-то из этих точек чрезмерно «затянется». И здесь решающим оказывается временной фактор. Очевидно, что ось времени (стагнации) должна рассматриваться в рамках какой-то другой модели. За границы нашей модели (и рассматриваемой в данной работе проблемы вообще) случай *застоя* выходит именно потому, что ее сутью является *динамика* — динамика эффектив-

ностных переменных как фактор, детерминирующий изменения в эмоциях. Иначе говоря, если стагнационно-временная интерпретация эмпирической U-образной кривой депрессии является верной, то эта кривая не релевантна нашей модели.

Заключение

По нашему мнению, приведенные данные в своем большинстве обнаруживают соответствие предложенной модели в границах МЗА, позволяющее надеяться, что дальнейшая работа с литературой вряд ли даст существенные основания для отказа от нее. Более вероятным мы считаем нахождение новых, релевантных модели, быть может, не вполне согласующихся с ней фактов, которые могут послужить основанием для ее развития. Что касается новых исследований, то наиболее очевидной является нужда в данных о динамике положительных эмоций в зависимости от более или менее непосредственных мер эффективности деятельности. Недостаточное количество исследований такого типа, вероятно, обусловлено, помимо прочего, неукорененностью в обсуждаемой проблематике представления о них как относительно не зависящих от эмоций отрицательных (см.: Горбатков, 2002а) при значительно большей исследовательской «популярности» последних. А именно немонотонная одновершинная кривая положительных эмоций в модальной зоне активности данной модели производит впечатление наиболее нетривиальной. При разработке данной темы явно недостаточное внимание исследователи уделяют измерению интегральной величины

эмоций (общий уровень эмоциональной активации) (см., например: Wagt, 1999). Все это намечает пути дальнейших поисков.

Представляется необходимым не только продолжать и углублять поиск и анализ результатов исследований, полученных в группах обычных людей, функционирующих в обычных условиях («функциональное большинство», соответствующее МЗА), но и расширять работу, распространяя ее на популяции, более экстремальные по параметрам, связанным с эффективностью деятельности («функциональные меньшинства»). Причем из расширительного понимания независимой переменной модели (см. выше) следует, что с «зонами функциональных меньшинств» можно связывать не только выборки лиц с очень низким или очень высоким уровнем эффективности выполняемой ими деятельности, но также выборки, выделенные на основе других имеющих экстремальные уровни факторов удовлетворения жизненно важных потребностей. Таковыми, например, могут быть выборки людей, функционирующих в очень опасных и сложных или, наоборот, в исключительно безопасных и облегченных условиях. Одной из наиболее интересных и наименее исследованных, на наш взгляд, является зона 1–2 модели, где по мере освоения ситуации растут не только положительные эмоции, но — как бы вопреки здравому смыслу — растет также уровень отрицательных эмоций. Иллюстрацией этого явления, нам кажется, может служить «парадоксальное» увеличение тревожности по мере уменьшения опасности ситуации, нашедшее свое отражение в данных Р. Студенского

(Studenski, 1981). Проведенное им обследование шахтеров (повышенный уровень опасности позволяет, как мы полагаем, связать эту профессию в некоторых ее аспектах с обсуждаемым отрезком оси X модели), работающих в шахтах с различной вероятностью аварийности, показало существенный рост тревожности по мере снижения вероятности аварий ($p < 0.01$; а после объединения «соседних» выборок, что мы сделали на основе приведенных в этой статье данных, значимость возросла до $p < 0.00001$). Кроме того, в одной из обследованных выборок с ростом стажа от нуля до пятнадцати лет, или, иначе говоря, с ростом профессионального опыта и уровня овладения опасной ситуацией, также обнаружена тенденция повышения тревожности ($p < 0.05$).

Как показала наша работа с опубликованными результатами исследований, в некоторых случаях ассимиляция представляющихся релевантными проблеме данных является заданием сложным. Это касается, например, тех областей психологии эмоций, которые были порождены не столько логикой развития науки, сколько нуждами практики. Так, анализ (в контексте модели) данных, касающихся влияния трудности деятельности на депрессию, оказался нелегким вследствие отсутствия возможности ее уверенной идентификации в аффективном плане как связанной с измерениями негативных или позитивных эмоций. Немалые трудности возникли и при попытке определения сути независимой переменной в рассматриваемой зависимости. Такое положение вещей обуславливает интерпретации типа «с одной стороны... с другой стороны...».

Отмеченные сложности показывают, что для продвижения вперед в выбранной нами области изысканий нужны дальнейшие исследования при четко обозначенных позициях в аспектах ди-

менциональности и линейности—нелинейности реализуемых теоретических подходов с очищением—разведением содержания как независимых, так и зависимых переменных.

Литература

Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.

Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб., 1913. Т. 2.

Горбатков А.А. Динамика связи между положительными и отрицательными эмоциями // Вопросы психологии. 2002а. № 4. С. 132–140.

Горбатков А.А. Успешность деятельности и эмоции. Эскиз модели // Мир психологии. 2002б. № 4. С. 48–65.

Горбатков А.А. Модальная зона активности: к проблеме зависимости эмоций от успешности деятельности // Психологический журнал. 2003. № 4. С. 78–92.

Горбатков А.А. «Информационная» и «энергетическая» модели влияния результатов деятельности на эмоции // Психологический журнал. 2004. № 4. С. 41–55.

Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 47–102.

Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Ланге К.Г. Душевные движения. СПб.: Павленков, 1896.

Магун В.С. Диспозиции и реальное поведение личности // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. С. 120–159.

Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа

и возрастная динамика. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.

Рабинович П.Д., Нурждина М.П. Зависимость успеваемости студентов от их характерологических особенностей // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 112–115.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Соколов Е.Н. Нервная модель стимула и ориентировочный рефлекс // Вопросы психологии. 1960. № 4. С. 60–75.

Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003.

Шакуров Р.Х. Об эмоциональном компоненте ориентировочного рефлекса // Вопросы психологии. 1962. № 2. С. 156–165.

Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 18–33.

Argyle M. The social psychology of everyday life. London and N.Y.: Routledge, 1994.

Berger J.E. The influence of advertising frequency on attitude-behavior consistency: A memory based analysis // Journal of Social Behavior and Personality. 1999. Vol. 4. P. 547–568.

Berlyne D.E. Arousal and reinforcement // D. Levine (ed.). Nebraska symposium on motivation. Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. P. 1–110.

- Berlyne D.E.* Struktura i kierunek myślenia. W.: PWN, 1969.
- Berlyne D.E.* Aesthetics and psychobiology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
- Bornstein R.F.* Efekt samej ekspozycji // Encyklopedia Blackwella. Psychologia społeczna / A.S.R. Manstead, M. Hewstone (eds.). W.: Jacek Santorski & Co, 2001. P. 73–74.
- Bradburn N.M.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1969.
- Brewer M.B.* The social self: On being the same and different at the same time // Personality and Social Psychology Bulletin, 1991. Vol. 17. P. 475–482.
- Caplan R.D., Cobb S., French J.R.P., Van Harrison R., Pinean S.R.* Job Demands and Worker Health. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1975.
- Chess S., Thomas A.* Origins and evolution of behavior disorders: From infancy to early adult life. N.Y.: Brunner/Mazel, 1984.
- Csikszentmihalyi M.* Psychologia optymalnego doświadczenia. Przeptyw. W.: Studio EMKA, 1996.
- Diener E., Suh E.M.* National differences in subjective well-being // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 434–450.
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three decades of progress: 1967 to 1997 // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. P. 276–302.
- Eibl-Eibesfeldt I.* Miłość i nienawiść. W.: PWN, 1997.
- Elias N.* Zaangażowanie i neutralność. W.: PWN, 2003.
- Feldman Barrett L.* Discrete emotions or dimensions: The role of valence focus and arousal focus // Cognition and Emotion. 1998. Vol. 12., P. 579–599.
- Feldman Barrett L., Russell J.A.* Independence and bipolarity in the structure of current affect // J. of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. P. 967–984.
- Frederick S., Loewenstein G.* Hedonic adaptation // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 302–329.
- Gorbatkow A.A.* On the dependence of hope and hopelessness on a level of performance // VIIth European Congress of Psychology. Book of abstracts. London: EFPPA, 2001. P. 132.
- Gorbatkow A.A.* Skala nadziei-beznadziejności dla adolescentów: trafność konwergentna i dyskryminatywna // Psychologia Rozwojowa. 2002. Vol. 7 (3). P. 121–132.
- Gorbatkow A.A.* Model of the dependence of affective dimensions on activity efficiency // VIIIth European Congress of Psychology. Abstract book. Vienna: BOP, 2003. P. 318.
- Gray J.A.* The psychology of fear and stress. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Gurtman M.B.* Trust, distrust, and interpersonal problems: a circumplex analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. P. 989–1002.
- Hebb D.O.* Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychological Review. 1955. Vol. 62. P. 243–254.
- Hufleit-Lukasik M.* Depresja – wybrane modele teoretyczne // Nowiny psychologiczne. 1999. Vol. 1. P. 5–20.
- Iaffaldano M.T., Muchinsky P.M.* Job satisfaction and job performance: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1985. Vol. 97. P. 251–273.
- Isen A.M.* Positive affect // T. Dalglish, J. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. Chichester: Wiley, 2000. P. 521–541.
- Ito T.A., Cacioppo J.T., Lang P.J.* Eliciting affect using the International Affective Picture System: Trajectories through Evaluative Space // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. Vol. 24. P. 855–879.

- Jamal M.* Job stress and job performance controversy: An empirical assessment // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1984. Vol. 33. P. 1–21.
- Jarymowicz M.* O utajonych przejawach atrakcyjności i awersyjności podobieństwa JA – INNI // *Przegląd psychologiczny*. 2003. Vol. 46 (3). P. 237–252.
- LeDoux J.* *Mózg emocjonalny*. Poznań: Media Rodzina of Poznań, 2000.
- Lewicka M.* Mechanizmy zaangażowania i kontroli w działaniu człowieka // M. Kofta (ed.). *Psychologia aktywności: zaangażowanie, sprawstwo, bezradność*. Poznań: Nakom, 1993. P. 15–62.
- Lewis M., Haviland J.M.* (eds.). *Handbook of emotions*. N.Y.: Guilford Press, 2000.
- Madsen K.B.* *Współczesne teorie motywacji*. W.: PWN, 1980
- Maio G.R., Esses V.M.* The Need for Affect: Individual Differences in the Motivation to Approach or Avoid Emotions // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69. №. 4. P. 583–614.
- Mandler G.* The structure of value: Accounting for taste // M.S. Clark, S.T. Fiske (eds.). *Cognition and affect*. New York: Academic Press, 1982.
- Monahan J.L., Murphy S.T., Zajonc R.B.* Subliminal mere exposure: Specific, general, and diffuse effects // *Psychological Science*. 2000. Vol. 11. P. 462–466.
- Muchinsky P.M.* *Psychology Applied to Work. An Introduction to Industrial and Organizational Psychology*. Chicago, Illinois: The Dorsey Press, 1987.
- Mueller J.H.* Anxiety and performance // A.P. Smith, D.M. Jones (eds.). *Handbook of human performance*. London: Academic Press, 1992. Vol. 3. P. 127–160.
- Pintrich R.R., DeGroot E.V.* Motivational and self-regulated learning components of classroom academic performance // *Journal of Educational Psychology*. 1990. Vol. 82. P. 33–40.
- Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Bommer W.H.* A meta-analysis of the relationship between Kerr and Jermier's substitutes for leadership and employee job attitudes, role perceptions and performances // *J. of Applied Psychology*. 1996. Vol. 81. P. 380–399.
- Russell J.* Measures of emotion // R. Plutchik, H. Kellerman (eds.). *Emotion. Theory, research, and experience*. Toronto, Ontario, Canada: Academic Press, 1989. Vol. 4. P. 83–111.
- Russell J.A., Feldman Barrett L.* Core Affect, Prototypical Emotional Episodes, and Other Things Called Emotion: Dissecting the Elephant // *J. of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. P. 805–819.
- Scitovsky T.* *The joyless economy*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Seipp B.* Anxiety and Academic Performance: A Meta-analysis of findings // *Anxiety Research*. 1991. Vol. 4 (1). P. 27–41.
- Shore L.M., Martin H.J.* Job satisfaction and organizational commitment in relation to work performance and turnover intentions // *Human relations*. 1989. Vol. 42. P. 625–638.
- Simonton D.K.* Creativity from a historiometric perspective // R.J. Sternberg (ed.). *Handbook of creativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 116–133.
- Snow R.E., Swanson J.* Instructional psychology: Aptitude, adaptation, and assessment // *Annual Review of Psychology*. 1992. Vol. 43. P. 583–626.
- Spector P.E.* Interactive effects of perceived control and job stressors on affective reactions and health outcomes for clerical workers // *Work & Stress*. 1987. Vol. 1. P. 155–162.
- Spielberger C.D., O'Neil H.F., Hansen D.N.* Anxiety, drive theory and computer assisted learning // B.A. Maher (ed.). *Progress in experimental personality research*. New York, 1972.
- Sternberg R.J.* A triangular theory of love // *Psychological review*. 1986. Vol. 93. P. 119–135.

- Strelau J.* Psychologia temperamentu. W.: PWN, 1998.
- Studenski R.* Poziom lęku przed zagrożeniem a wypadki przy pracy // Przegląd Psychologiczny. 1981. Vol. 24 (1). P. 137–135.
- Szczurkowska J.* Potrzeba poszukiwania wrażeń według koncepcji M. Zuckermana a preferencja sytuacji o różnym ładunku emocjonalnym // Kieleckie Studia Pedagogiczne i Psychologiczne. Vol. 7. Kielce: WSP. 1993. P. 99–118.
- Teigen K.H.* Intrinsic interest and the novelty-familiarity interaction // Scandinavian Journal of Psychology. 1987. Vol. 28. P. 199–210.
- Thomas A., Chess S.* Temperament and Development. New York: Brunner/Mazel, 1977.
- Vroom V.B.* Work and motivation. N.Y.: Wiley, 1964.
- Warr P.B.* Well-Being and the Workplace // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 392–412.
- Warr P.B., Bunce D.J.* Trainee characteristics and the outcomes of open learning // Personnel Psychology. 1995. Vol. 48. P. 347–375.
- Watson D.* Mood and temperament. N.Y.: Guilford Press, 2000.
- Wojciszke B.* Dynamika miłości // Przegląd psychologiczny. 1989. Vol. 3. P. 711–730.
- Wojciszke B., Pieńkowski R., Krzykowski R.* Polska norma negatywnego myślenia o świecie społecznym: niezadowolenie z życia, kraju i prezydenta // B. Wojciszke (red.). Jacy są Polacy? Kolokwia psychologiczne. Vol. 4. W.: IP PAN, 1995. P. 23–42.
- Zigler E., Levine J., Gould L.* Cognitive challenge as a factor in children's humor appreciation // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 6. P. 332–336.
- Zuckerman M.* Behavioral expressions and biosocial bases of sensation seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Zajonc R.B.* Mere exposure: A gateway to the subliminal // Current Directions in Psychological Science. 2001. Vol. 10. P. 224–228.
- Zaleski Z.* Potrzeba wrażeń jako motyw poszukiwania pozytywnej i negatywnej stymulacji // A. Januszewski, Z. Uchnast, T. Witkowski (eds.). Wykłady z psychologii w KUL. Vol. 5. Lublin: RW KUL, 1990. P. 31–40.